

Янь Цинли почувствовала, как плечо слегка просело. Она протянула руку и коснулась чего-то мягкого и гладкого — это была кошачья шерсть.

Она не рассердилась, а, напротив, ласково погладила пушистый комочек, и на её губах заиграла улыбка:

— Опять ты, мелочь пузатая.

Темно-фиолетовые зрачки кота превратились в узкие щелочки. Шерсть на его теле встала дыбом, и он раздулся, словно круглый рисовый колобок, выпустив острые когти.

Эта глупая смертная только что назвала его — ме-ло-чью?

В этом мире еще не нашлось ни одного заклинателя, который осмелился бы проявить к нему такое неуважение! Видимо, он слишком баловал эту девчонку, пора преподать ей урок, чтобы знала своё место.

Кот уже собрался полоснуть Янь Цинли предупреждающим ударом, как вдруг она крепко прижала его к себе. Мордочка кота уткнулась в её мягкую, пахнущую ароматами грудь. Пока он пытался выбраться из этого удушающего плена, мощная, питательная духовная энергия хлынула ему в нос и рот, заставляя его лишь беспомощно мычать.

Злая девчонка! Отпусти меня! Иначе... иначе я тебе устрою!

Впрочем, прошло совсем немного времени, как кот довольно прищурился. Из его носа незаметно вытекло несколько капель крови, и он, окончательно сникнув, послушно растянулся на сгибе её локтя.

Шипение... но от неё так приятно пахнет, мне очень нравится этот аромат.

Янь Цинли прижала кота к груди, чтобы скрыть внутреннее волнение и тревогу. Чем ближе она подходила к барьеру, тем отчетливее становилось лицо Янь Чисюэ.

Та даже не потрудилась собрать волосы, но это не скрывало её небесной красоты. Её белоснежное одеяние превратилось в лохмотья, испачканные грязью, а ладони, сжимавшие Указ об освобождении из горы Лао, были покрыты трещинами и кровоточили — должно быть, ей пришлось немало выстрадать, чтобы достать этот свиток.

В какой бы жизни — будь то прошлая или нынешняя — её старшая наставница всегда была подобна недостижимому цветку на вершине горы, настоящей небожительнице. Разве могла она когда-либо предстать перед людьми в столь жалком виде?

Сердце Янь Цинли сжалось от жалости. Увидев пыль на волосах Янь Чисюэ, она протянула руку, чтобы смахнуть её, но та резко её одернула:

— Барьер горы Лао был воздвигнут самим Даосским предком Цинтянь, основателем нашей секты Цинтянь Янь. Его сила необычайна: любое живое существо, хоть немного запятнанное аурой демонов, не сможет выйти наружу. Пока Указ об освобождении у тебя в руках, ни в коем случае не высывайся за пределы барьера.

Янь Чисюэ прижала ладони к внешней стороне барьера. Её нос почти касался лица Янь Цинли, разделенного лишь прозрачной преградой. Голос наставницы звучал чисто и звонко, словно тающий зимний лед.

В этот момент мимо пролетала пестрая птица с красной головой, решившая вылететь из барьера. Не успела она даже наполовину проскочить сквозь прозрачную стену, как с вершины уходящего в облака каменного дворца ударил белый свет. Птица не успела даже пискнуть, как превратилась в два обугленных куска плоти, от которых исходил едкий запах разложения.

Эта несчастная птица наглядно подтвердила слова Янь Чисюэ.

Янь Цинли вздрогнула и поспешно отдернула руку — еще мгновение, и она лишилась бы конечности.

Сидевший на руках кот наблюдал за этим с пренебрежением, тихо фыркнув. Подумаешь, какая ерунда! Пока он рядом, даже если бы она высунула руку, карающий свет горы Лао не причинил бы ей ни малейшего вреда.

— Младшая сестра, после твоего ухода отец-глава изменился. Он, не разбираясь в причинах, приказал преследовать тебя. Я не знаю, что произошло, но верю, что ты невиновна, — Янь Чисюэ просунула жетон Указа через прозрачный барьер, и он скользнул по земле к самым ногам Янь Цинли.

Она прошептала:

— Бу и я с огромным трудом достали этот жетон. С ним карающий свет не тронет тебя. Это место не для заклинателей, если ты попадешь в Тюремный дворец горы Лао, то, возможно, уже никогда не выберешься.

Бу Юньлоу стоял в стороне, стараясь быть незаметным, но то и дело бросал косые взгляды на Янь Цинли.

Янь Цинли насмешливо изогнула губы. Еще недавно он хотел снести ей голову с плеч, и только дурак поверил бы, что у этого коварного главного героя на уме что-то доброе.

Она подняла жетон с земли и, под удивленным взглядом Янь Чисюэ, повернулась к толпе. Сложив ладони рупором, она громко крикнула:

— Указ об освобождении из горы Лао! Кто первый возьмет, тот и заберет. Кому нужно — подбирайте, последствия на вашей совести!

В глазах Янь Чисюэ промелькнула боль, она закусила губу, а её раненные руки мелко задрожали:

— Младшая сестра Янь, что ты делаешь?

Янь Цинли холодно смотрела на Бу Юньлоу, храня молчание. Кот, которого она внезапно опустила на землю, сидел у её ног, ошарашенно оглядываясь.

— Я нашел! Я нашел Указ! Мне не придется оставаться в этой дыре! — один из заклинателей, возбужденно расталкивая толпу, выскочил наружу, размахивая жетоном и несясь со скоростью стометровки прочь от барьера.

Хлоп!

Тот же самый белый свет мгновенно пронзил его тело, разрубив его вдоль позвоночника пополам. Он рухнул на землю.

Толпа онемела от ужаса. Спустя долгое время люди окончательно оставили мысли о побеге и, понурив головы, покорно, один за другим, побрели в каменный дворец под присмотром монстров с головами баранов.

Янь Чисюэ с неверием смотрела на жалкие останки заклинателя, её губы дрожали:

— Как жетон мог оказаться подделкой?

Она чуть не погубила Цинли!

Янь Цинли с холодным лицом посмотрела на почерневшие обрубки тел, затем перевела острый взгляд на Бу Юньлоу и процедила:

— Этот вопрос, старшая сестра Янь, вам стоит задать своему брату Бу.

Услышав это, Бу Юньлоу, не дожидаясь расспросов, побледнел, нашел нелепый предлог и поспешно улетел на мече.

Янь Цинли усмехнулась и уже собиралась найти Сяомина, как вдруг что-то твердое скользнуло из-за барьера и упало к её ногам. Она нагнулась и подняла кисточку от меча, к которой была привязана нефритовая подвеска с выгравированной надписью.

Оттерев пальцем пыль, она прочла:

— Половина пути к Дао, половина пути к тебе.

Она тихо повторила эти слова и ошеломленно взглянула на Янь Чисюэ.

— Старшая сестра, это мне?

Янь Чисюэ едва заметно кивнула, и её лицо, бледное, как лунный свет, окрасилось румянцем.

В её глазах читались тревога и беспокойство, она прижалась к барьеру:

— Я боялась, что у меня больше не будет шанса отдать это тебе. Цинли, береги себя на горе Лао. Рано или поздно я найду способ вытащить тебя отсюда.

Раньше Янь Цинли действительно была равнодушна к Янь Чисюэ — в конце концов, они выросли вместе, и она знала её как никто другой. Но после стольких предательств она сама уже не понимала, любовь это или что-то иное.

Теперь, когда односторонняя привязанность внезапно стала взаимной, она почувствовала себя растерянной.

По сюжету Янь Чисюэ была первой любовью и недостижимой мечтой Бу Юньлоу, и после того, как она вышла за него, её постоянно травил враг главного героя.

Гора Лао могла стать тюрьмой для Янь Цинли навсегда. И если они обе оказались в таком положении, сможет ли старшая сестра выжить без неё, своей единственной надежды?

Янь Цинли привязала кисточку к своему духовному мечу, отрезала синюю нить от заколки для волос, затем отрезала прядь своих черных волос и сплела их в узел единства. Вложив в него немного духовной энергии, она одним взмахом отправила его в руки Янь Чисюэ.

— Старшая сестра, однажды я выберусь с горы Лао, открою миру всю правду и найду способ излечить твою болезнь холода цветущей сливы.

Янь Чисюэ сжала узел единства в ладони, глядя на девушку с испачканным лицом и в разорванной одежде. Её сердце дрогнуло.

Янь Цинли вскинула подбородок и мягко улыбнулась. Эта чистая и ясная улыбка, расцветшая на её запыленном лице, в одно мгновение озарила весь мир.

— Живи. Жди, пока я вернусь, чтобы забрать тебя.

Это была единственная, пусть и призрачная, нить, связывавшая их теперь.

<http://bllate.org/book/18616/1792302>